

Марина Михайлец

Рига, Латвия

ФЕНОМЕН МУЗЫКАЛЬНОЙ СЕМЬИ АБРАМИС

Эта статья никоим образом не претендует на исследование. Ее целью является еще раз публично назвать все имена славной музыкальной семьи Абрамис, активно и творчески работавшей в 20—30-е гг. XX в. в Риге. Некоторым из них было уготовано погибнуть в жуткое время Холокоста, иным удалось уцелеть и продолжить свой жизненный путь и творческую работу уже после войны. На мой взгляд, деятельность музыкантов из семьи Абрамис является неотъемлемой частью общей музыкальной панорамы Риги. Утверждаю также, что их вклад был достаточно ценен в области собственно еврейской музыкальной культуры Латвии, ибо они работали не только в сфере классической музыки, но и были пропагандистами музыки еврейской, ее ценности, особенности и неповторимости. Это мое утверждение основано на изучении доступных мне материалов из рижских архивов и газет, а также информации из личных бесед с последним представителем этой семьи, знаменитым рижским скрипичным педагогом Израилем Абрамисом.

Итак, главой этой замечательной семьи был кантор Абрам Абрамис, который более 35 лет стоял у амвона рижской хоральной синагоги «Пейтав-шул». Он был выходцем из Витебской губернии, из небольшого местечка под названием Городок. Год его рождения — 1873. Рассказывали, что, уже в детском возрасте он прославился среди евреев местечка своим красивым голосом и с большим успехом пел в местной синагоге во время праздников.

По утверждению его родных, в Ригу А. Абрамис приехал в 1903 г., будучи тридцатилетним молодым человеком, с женой и маленьким сыном Яковом. Приехал якобы для того, чтобы совершенствоваться в своем искусстве у кантора рижской Большой хоральной синагоги на ул. Гоголя — знаменитого Боруха Лейба Розовского¹, и для этого хотел попасть в хор синагоги.

Слава кантора Розовского в то время была велика. Рассказывают, что в синагогу приходили люди разных вероисповеданий — специально для того, чтобы послушать его пение. Известно, что Розовский также сочинял новые напевы, которые изобиловали многочисленными колоратурами. Часть из них впоследствии была издана его сыном — композитором и музыкальным деятелем Соломоном Розовским.

Кантор Розовский относился к тому направлению канторов, которые принципиально не выступали с публичными концертами, он пел только в синагоге. Как известно, кантор Абрамис придерживался совсем иных взглядов в этом отношении и часто пел на концертной эстраде. Но для нас сейчас важно именно то, что получивший профессиональное вокальное образование в Петербургской консерватории и обладавший прекрасным голосом Борух Лейб Розовский мог многому

Абрам Абрамис. Фото 30-х гг.

научить начинающего кантора. Но оказалось, что хор Розовского был полностью укомплектован, и Абрамису не удалось получить желаемое место работы. Единственная возможность учебы заключалась в том, чтобы слушать пение Розовского во время службы. Абраму удалось устроиться кантором в молельне «Иосиф-Мейерс миньен».

В это время в Риге как раз строилась новая синагога «Пейтав-шул», и богатые еврейские купцы, финансировавшие ее строительство, хотели иметь и здесь настоящего, хорошего кантора. А. Абрамис, который довольно быстро успел завоевать в Риге популярность, благодаря своему голосу — лирико-драматическому тенору красивого тембра, способному к великолепной колоратуре, был замечен меценатами. На специально пожертвованные средства он был отправлен в Италию учиться профессиональному пению. Там он занимался у

профессора Альберто Тома, затем продолжил свое образование в Вене. К открытию новой синагоги А. Абрамис был уже профессионалом и по праву занимал в ней пост обер-кантора вплоть до 1941 г., до начала войны.

При синагоге «Пейтав-шул» А. Абрамис основал хор. В нем пели 6 мужчин и 30 мальчиков; звучание хора было прекрасно. Годы спустя в хоре отца пел и маленький Израиль Абрамис, которому впоследствии предстояло продолжить славу музыкальной династии Абрамисов.

Помимо прочих достоинств, А. Абрамис, полагаю, обладал счастливой чертой характера — способностью находить общий язык со всеми, в том числе и с начальством. Как иначе объяснить то обстоятельство, что он имел возможность спокойно работать более трех десятилетий в одной синагоге, в то время как история другой рижской синагоги свидетельствует о совсем ином? Так, в Большой хоральной синагоге после смерти кантора Б. Л. Розовского в 1919 г. на посту кантора сменяли друг друга Соломон Рабец (служил с 1922 по 1928 г.), Герман Ядловкер (1929—1932 гг.), Бернар Львович (с августа 1933 г.), Мандель (с февраля 1934 г.), Г. Фридлянд (с сентября 1936 по 1940 г.).

Вполне возможно, что в первые 10—15 лет своей канторской деятельности А. Абрамис не выступал на концертной эстраде (не берусь утверждать это наверняка, так как никаких сведений об этом у меня нет), но начиная с 1919 г. время от времени появляются сообщения об участии А. Абрамиса в концертах — они устраиваются как собственно в синагоге, так и на концертных площадках города. Концерты обычно были приурочены к праздникам. К примеру, семейный ханукальный вечер в клубе им. Борохова (Суворовская ул.², 36) в декабре 1919 г. или апрельский концерт еврейской народной музыки, устроенный в 1920 г. обществом «Явне» в зале Дома Черноголовых. В концертах принимали участие профессиональные музыканты, среди которых были Жорж Аронович, скрипач симфонического оркестра, известный рижский пианист-концертмейстер и арфист Абрам Фейгельсон, певица Года Литвин и др.

«Г-н Абрамис обладает весьма содержательным звучным, сочным тенором, которым он пользуется не в суетных целях внешне-показной виртуозности (грех

многих евреев-канторов), а в целях религиозно-музыкальных. В его интерпретации еврейских молитв присутствует благородство»³.

Со временем концертная деятельность А. Абрамиса расширилась, и это было связано в первую очередь с тем, что он как музыкант и заботливый отец стал выводить на концертную эстраду своих одаренных детей, будущих музыкантов. Концерты не были частыми, но все же время от времени проводились. Прежде чем назвать некоторые из них, несколько слов о каждом из детей Абрама Абрамиса.

Яков, родившийся в 1903 г., был старшим сыном кантора. Он единственный в семье не имел специального музыкального образования и лишь в детстве учился игре на фортепиано. Яков был талантливым самородком, впоследствии он стал активным, фактически профессиональным музыкантом. Его брат Израиль Абрамис говорил о нем: «Это был человек таланта, но с лендой. Если бы у него был другой характер, он мог бы стать крупным композитором. Для рижского еврейского театра он в 30-е гг. написал музыку к пьесе “Пустая корзина”. А если бы вы слышали его импровизации! Он мог взять любую незначительную темку, хоть “Чижика”, и симпровизировать из нее симфонию!»⁴

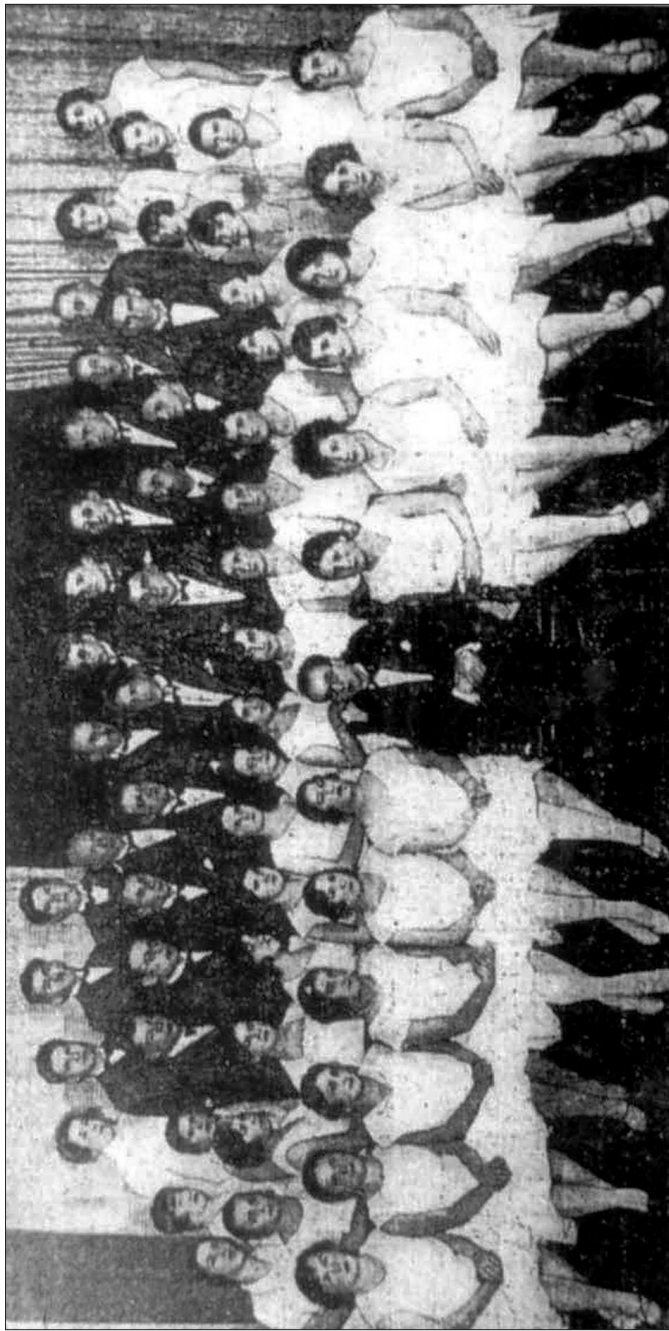
Примерно с середины 20-х гг. и вплоть до начала войны Яков периодически выступал как пианист-аккомпаниатор с известными в Риге певцами классического направления. Это Фрида Ракузина, Реа Ратнер, Мира де Леоне (Абезгауз), Хайм Шелькан, Герта Готлиб, Леонид Заходник и др. В рецензиях о нем в разных вариантах писали следующее: «Прекрасным, чутким аккомпаниатором был Я. Абрамис».

Вероятно, читатель уже обратил внимание на имена, приведенные в списке певцов, — это только евреи. Почему так? Может быть, Яков сам не шел на контакт с музыкантами других национальностей? Или мешал снобизм музыкантов, знавших, что он — самоучка? Или, возможно, кого-то все-таки сдерживало то, что он сын действующего кантора и что сам больше известен как интерпретатор еврейской светской и духовной музыки? Его брата я в свое время не сообразила спросить об этом, и никаких документальных свидетельств у меня тоже нет. Поэтому я только изложила свои размышления и, скорее, задаю этот вопрос самой себе, так и не зная ответа.

Поскольку Яков хорошо знал и понимал специфику еврейского репертуара, то он имел своеобразную монополию на аккомпанирование канторам-гастролерам, которые приезжали без своего пианиста и исполняли еврейские народные песни и синагогальные напевы. Выстраивается значимый ряд имен. Яков музицировал со знаменитыми Моисеем Кусевицким, Израилем Альтером, а также с бывшим рижским вундеркиндом, а в 1939 г. обер-кантором каунасской Большой хоральной синагоги Михаилом Александровичем⁵.

Летом 1933 г. Якова пригласили аккомпанировать приехавшему в Ригу на гастроли Витторио Вейнбергу — в Еврейском театре и на взморье, в Кеммернском⁶ кургаузе. Тот исполнял еврейские и палестинские песни, а также романсы и оперные арии. Вейнберг остался доволен этим сотрудничеством, и в ноябре газеты сообщили, что он пригласил Якова Абрамиса отправиться с ним в большое концертное турне — сначала в Ревель⁷, далее по скандинавским странам и затем в Англию (Сегодня вечером. 1933. 24 нояб.).

И все же наиболее полно Яков Абрамис реализовал себя как хоровой дирижер. Думается, что ему как бесспорному лидеру по характеру этот вид деятель-

Яков Абрамис (в первом ряду в центре) и созданный им еврейский ораториальный хор при Бялик-клубе в Риге. Фото из газеты. 1928 г.

ности был более по душе, чем работа аккомпаниатора. На протяжении ряда лет Яков руководил ораториальным хором при рижском Бялик-клубе. Выступления этого художественного коллектива имели значительный успех. Так, газета «Двинский голос» писала: «Еврейский ораториальный хор, управляемый Яковом Абрамисом, представляет собой крупную художественную величину» (1929. № 3). В репертуар хора входили обработки народных песен и оригинальные сочинения еврейских композиторов. Из классики Яков чаще всего выбирал сочинения на библейские темы, хотя не только их. Пели фрагменты из ораторий Г. Ф. Генделя, «Сотворение мира» Й. Гайдна, «Иисуса Навина» М. П. Мусоргского, сочинения Ф. Мендельсона. В программы выступлений хора входила и музыка латышских композиторов, например песня Язепа Витола «Беверинский певец», и многое другое.

Пожалуй, наибольшей заслугой Я. Абрамиса в этой области было то, что в репертуар хора входили сочинения, которые, насколько мне известно, кроме его коллектива, никто в Риге не пел. Самый яркий пример — хоровые произведения рижского еврейского композитора Эфраима Шкляра⁸. Весной и летом 1931 г. хор в разных концертах исполнил новое сочинение Шкляра «У гробницы Рахили» — сначала на взморье, в Эдинбурге⁹, а затем дважды в Риге, в концертах Рижского симфонического оркестра (РСО) в Верманском парке. На всех этих концертах присутствовал автор, которого вызывали и награждали шумными аплодисментами. К сожалению, это сочинение, как и многие другие, ныне нам недоступно — ноты утеряны...

Помимо всей этой нагрузки неумейный Яков еще несколько лет подряд умудрялся руководить огромным школьным хором рижской еврейской гимназии И. Раухваргера и готовить с ним серьезные концертные программы. Рецензент С. Алмазов после концерта в апреле 1940 г. писал: «Хор пел отлично. 110 юношей и подростков обоего пола проявили дисциплину, точность вступления, четкость ритмов, согласованность общего звучания. Они исполнили: государственный гимн, [латышскую] народную песню «Вей, ветерок», фрагменты из ораторий Гайдна и Генделя, «Цыганскую жизнь» Шумана, «Шу-Шеарим» Памберга. Дирижер и вдохновитель хора, Я. Абрамис, может гордиться своими достижениями»¹⁰.

О том, как сложилась судьба Якова Абрамиса в дальнейшем, речь пойдет ниже.

Теперь рассказ о Кате (Хассе) Абрамис, появившейся на свет в 1906 г. Ее жизнь была короткой — она погибла в возрасте 35 лет...

В 20-е гг. Катя была одной из учениц уникальной в своем роде рижской Еврейской народной консерватории¹¹, основанной композитором Соломоном Розовским. Затем она уехала совершенствоваться во Францию, занималась у знаменитого профессора Ашиля Филиппа, затем окончила парижскую Русскую консерваторию по классу профессора Льва Конюса.

Вернувшись в Ригу в 1930 г., Катя организовала свою частную фортепианную студию и зарабатывала на жизнь бесконечными уроками, но непременно раз в год, в основном в консерватории, устраивала свои сольные концерты. Музыкальная палитра ее интересов — от музыки XVII столетия и до современников пианистки, включая произведения латышских композиторов.

Судя по рецензиям, игра Кати Абрамис отличалась певучим тоном и высокой техникой. Она была профессиональной, талантливой пианисткой. Однако среди еврейских пианистов в то время все же больше выделялся собиравший на своих

Катя Абрамис. Фото 30-х гг.

сольных концертах полный зал Латвийской национальной оперы пианист и композитор, любимый ученик Язепа Витола Виктор Бабин¹². А после его отъезда в США среди пианистов евреев самыми звучными были имена Марии Заломонович, Иосифа Хеллера и Сергея Тагера. И все же благодаря хорошему музыкальному вкусу и ощущению стиля у Кати было много поклонников в Риге. Приведу выдержку из одной рецензии на ее концерт: «Громадный успех и горы существенных подношений. Эстрада в конце концов превратилась в цветущий сад»¹³.

Несколько раз Катя выезжала на гастроли за рубеж. Самой значительной была ее гастрольная поездка в феврале—марте 1937 г. в Палестину, где, по свидетельству прессы, ее концерты прошли успешно.

Теперь следует немного рассказать и о младшем сыне кантора — Израиле Абрамисе, родившемся в 1908 г. Как известно, в послевоенное время он стал выдающимся скрипичным педагогом, а также хорошим дирижером.

С первым педагогом, очень известным рижским скрипачом из школы И. Блума Яковом Гурвичем, по признанию самого Израиля Абрамовича, у него не было никакого контакта, и тот почти отбил у мальчика охоту играть на скрипке. Отчаявшийся отец добился консультации у приехавшего в Ригу на гастроли знаменитого Бронислава Губермана, чтобы услышать окончательный приговор: следует ли дальше мучить ребенка. Заключение было следующим: мальчик талантлив! И он поступил в класс знаменитого педагога, профессора Латвийской консерватории Адольфа Меца. Уроки Меца были очень живыми и интересными. Темпераментный профессор ходил по классу, временами хватал скрипку и показывал, как надо играть тот или иной фрагмент. Израиль Абрамович рассказывал, что он часами сидел в классе Меца, когда тот занимался с другими учениками, — настолько было интересно!

Вскоре после окончания консерватории, в 1932 г., молодой скрипач дал свой первый концерт. Играли вместе с сестрой Катей (соната С. Франка, концерт Коныуса, сочинения Корнгольда). Эту серьезную программу они подготовили самостоятельно, но дней за пять до концерта попросили у Меца консультацию. Сначала профессор возмущился тем, что за советом пришли так поздно, но все-таки прослушал программу и остался очень доволен. О сложнейшей сонате Сезара Франка сказал: «Так могут сыграть только люди, живущие под одной крышей!»

После кратковременного совершенствования в Праге в 1939 г. Израиль Абрамис вернулся в Ригу. С его слов известно, что он дирижировал небольшим хором в синагоге на ул. Стабу, а также создал мужской хор при Еврейском клубе¹⁴. Хор просуществовал недолгое время, до 1941 г., и успел дать только один открытый концерт в здании Еврейского театра по адресу ул. Школьная, 6. Как видите, дирижерская работа не была чужда представителям семьи музыкантов Абрамис. Один учебный год — 1940/41-й — Израиль Абрамис преподавал в рижской Народной консерватории у Н. Ванадзиня. О его послевоенных заслугах речь пойдет ниже.

Что может быть лучше для родителя, чем сознавать одаренность своих детей? Обладая профессионализмом, кантор Абрам Абрамис мог определить степень талантности своих чад уже в их юности и мог не только просто гордиться ими, но и как заботливый отец и умелый педагог способствовать их совершенствованию, а затем и демонстрировать их искусство в совместных концертах, что он успешно делал. А что может быть лучше для юного поколения, чем выступление в концерте вместе с собственным родителем, который способен дать совет и в интерпретации сочинения, и просто указать на какие-то неточности, и вдохновить на качественное исполнение в совместном музицировании? И пусть эти выступления были иногда в какой-то мере похожи на, скажем так, семейный подряд, но это были качественные, профессиональные концерты, приносившие и радость совместного творчества, и определенный доход семье, что, между прочим, тоже немаловажно в жизни.

Первый серьезный городской концерт семейства Абрамис прошел в декабре 1923 г. в зале Латвийской консерватории. Якову исполнилось 20 лет, Кате и Израилу было соответственно 17 и 15 лет. «Дети» играли произведения классиков, отец под аккомпанемент Якова исполнил сочинения еврейских композиторов. Этот принцип разножанровости сохранился и в последующих концертах семьи.

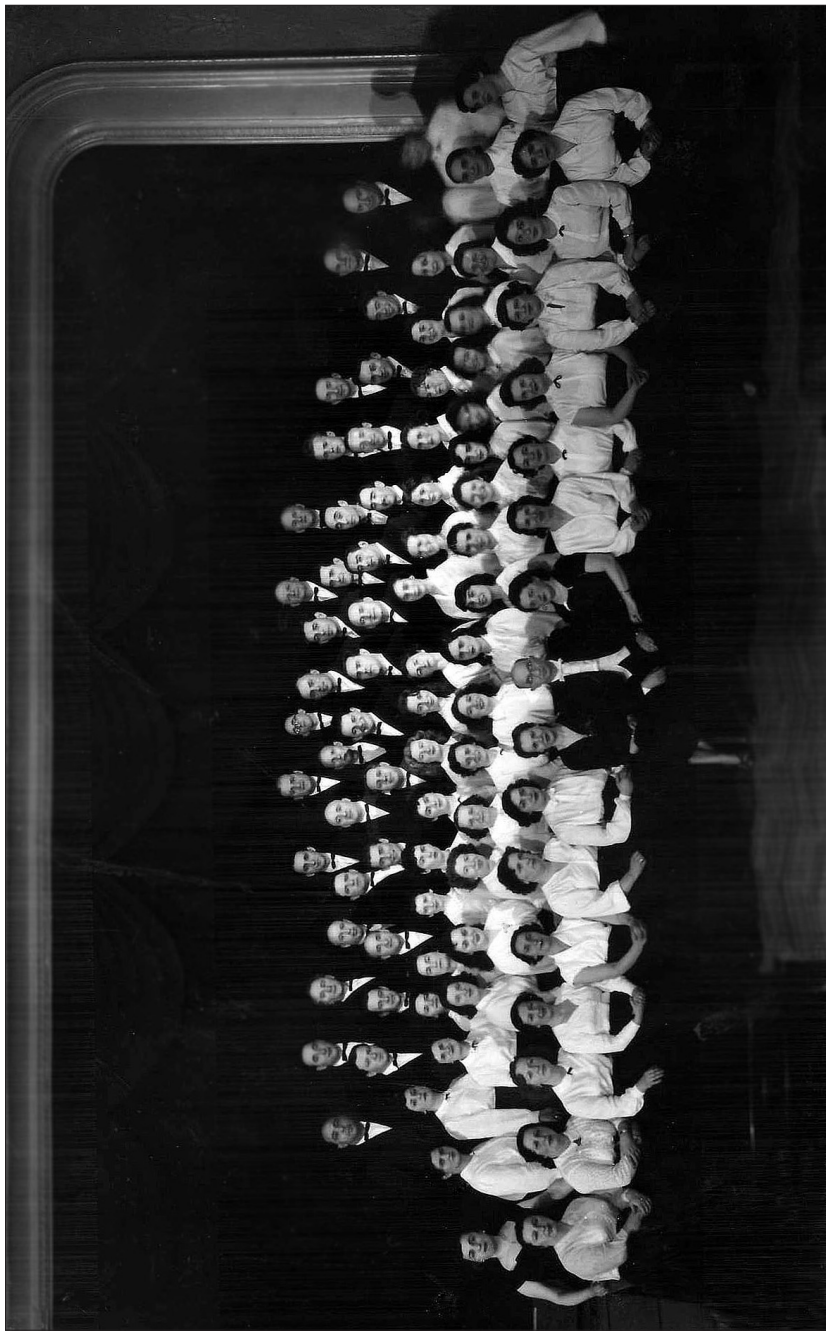
В дальнейшем Абрамисы продолжили совместные выходы на сцену. В этом плане особенно продуктивным стал 1928 г., когда представилась возможность совершить небольшое турне по нескольким городам Латвии, а также съездить в Таллин. Эти программы, по свидетельству одной из лиепайских газет, получали восторженные отзывы.

И конечно же, семья собиралась вместе, когда праздновались очередные юбилеи. Так, в мае 1933 г. концертом теперь уже со взрослыми, самостоятельными детьми-музыкантами кантор А. Абрамис отмечал юбилей — свое 60-летие. Цитирую: «Абрамис — кантор-артист, и каждое его выступление — праздник для любителей синагогального пения»¹⁵. Когда отмечалось 30-летие рижской хоральной синагоги на ул. Пейтавас, кантор Абрамис пел в концерте. «За 30 лет его голос не потерял ни теплоты, ни звучности, ни приятного тембра, которым он так славится»¹⁶.

Спустя пять лет А. Абрамис отмечал свой очередной юбилей — 35 лет служения у амвона. Его чествовала вся община. В концерте вместе с ним участвовали его дети, а также великолепный баритон Яков Иоффе и прекрасный виолончелист Лев Арнов.

Как общественному деятелю А. Абрамису совместно с композитором Э. Шкляром, обер-кантором Ш. Картуном и кантором и учителем пения Тайцем принадлежала идея создания Вселатвийского общества канторов имени Б. Л. Розовского. Целью создания общества могла быть защита профессиональных интересов еврейских канторов Латвии. Членами общества могли быть еврейские композиторы, учителя пения, дирижеры, хористы и, естественно, канторы. К сожалению, судьба общества и результаты его деятельности мне не известна.

Творческая деятельность семьи Абрамис прервала ужасная трагедия 1941 г. Драматична история попытки эвакуации семьи из Риги. Они узнали о том, что последний поезд с эвакуируемыми людьми вот-вот должен отойти от перрона. Они ушли из дому в чем были и поспешили к вокзалу. Израиль только успел захватить с собой скрипку. В переполненном вагоне сидели сутки. Никто не знал, когда двинется поезд. В то время Абрамисы жили в пяти минутах ходу от вокза-

Смешанный хор Дома культуры Московского района Риги (в первом ряду в центре руководитель Израиль Абрамис). Конец 50-х гг.

ла — на Парковой ул.¹⁷, 1. Решили сходить домой за вещами, взять самое необходимое, а Израиль оставили сторожить занятые места. Вскоре после их ухода поезд тронулся в путь, и Израиль в полном отчаянии уехал один — в неизвестность...

После долгих скитаний Израиль Абрамис очутился в Магнитогорске, преподавал в музыкальных школе и училище, стал концертмейстером симфонического оркестра. Часто выступал в концертах смешанных артистических бригад. Среди артистов был и М. Александрович, рядом с которым прошла молодость в Риге.

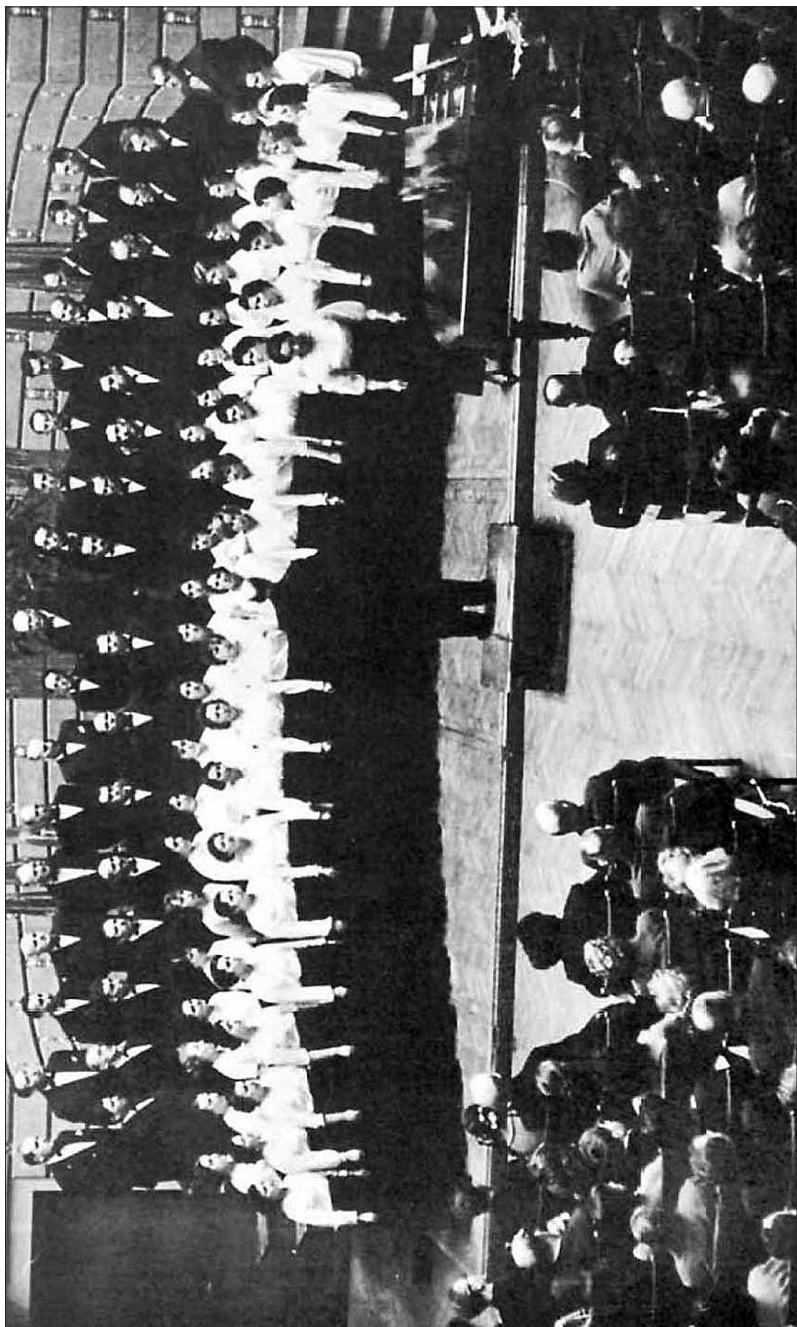
В 1945 г. И. Абрамис с женой и дочерью вернулся в Ригу. Только тогда он узнал, что его родители и сестра Катя погибли, а брат Яков, который перед войной жил в Даугавпилсе, сумел эвакуироваться и тоже остался в живых. С конца 40-х гг. И. Абрамис стал педагогом Рижской специальной музыкальной школы им. Э. Дарзиня и с тех пор непрерывно вел педагогическую работу, проработав в школе чуть меньше полувека. Долгие годы он по праву считался ведущим педагогом школы по классу скрипки. Среди учеников И. Абрамиса — известные скрипачи Валдис Зариныш, Валерий Озолиньш, Илзе Милзерая, Феликс Хиршхорн, Расма Лиелмане, Даци Берзая, Рубен Агаронян. И хотя все перечисленные музыканты впоследствии окончили высшие музыкальные учебные заведения, основы мастерства этих выдающихся артистов были заложены именно Израилем Абрамисом. Кроме того, все юные «дарзиньские» скрипачи проходили школу мастерства в организованном им в этом учебном заведении ансамбле скрипачей. (В 70-е гг. у него был еще один ансамбль скрипачей — при Дворце культуры завода «ВЭФ».)

В конце 50-х гг. И. Абрамис возглавил самодеятельный смешанный хор Дома культуры Московского района Риги. Пели песни многих авторов, в том числе латышских, а также исполняли еврейские народные песни. Принимали участие во Всеобщем латвийском Празднике песни. Многократно выступали с открытыми концертами при переполненных залах. Однако хор под управлением И. Абрамиса просуществовал лишь около двух лет. Почему? Абрамис говорил мне, что его не раз упрекали в том, что он исполняет слишком много еврейских песен — это не вызывало восторга у властей. А потому хор ликвидировали... под предлогом отсутствия помещения для репетиций. Из самых ярких воспоминаний его хористов — общение с дирижером И. Абрамисом и совместные выступления с приехавшей в Ригу на гастроли певицей Нехамой Лифшицайте.

А как сложилась судьба Якова Абрамиса?

В гостях у смешанного хора Дома культуры Московского района Риги композитор Зиновий Компанеец, справа — Израиль Абрамис. 1958 г.

Смешанный хор Дома культуры Московского района Риги под управлением Израиля Абрамиса дает концерт еврейской песни в Большом актовом зале Латвийского университета. Начало 60-х гг.¹⁸

В годы войны он стал создателем и руководителем хора в Гороховецких военных лагерях (там формировалась 201-я Латышская дивизия). В 1945 г. он возвратился в Ригу. Был художественным руководителем ансамбля Прибалтийского военного округа, за что получил в свое время звание заслуженного деятеля искусств Латвийской ССР.

Яков и Израиль Абрамис. Фото 50-х гг.

Рассказывали, что у Якова Абрамиса был неуживчивый характер, он постоянно «не ладил» с начальством и потому после демобилизации кочевал из города в город в поисках работы. Мелькают названия городов — Баку, Рига, Магнитогорск и ряд других. Последние годы он прожил в Пятигорске, руководил им же организованным женским хором медработников, получившим звание заслуженного коллектива. Там Яков и скончался в конце 60-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Подробнее о нем см.: *Бобе М.* Евреи в Латвии. Рига, 2006. С. 403—405.

²Ныне ул. К. Барона. — *Ред.*

³*Розовский С.* Концерт семьи Абрамисов // *Сегодня*. 1923. 23 дек.

⁴Из личной беседы автора статьи с И. Абрамисом.

⁵Подробнее о нем см. в ст. М. Мелера, помещенной в настоящем сборнике.

⁶Кеммерн — историческое название г. Кемери (ныне часть г. Юрмалы). — *Ред.*

⁷Ревель — историческое название Таллина. — *Ред.*

⁸Ефрем (Эфраим) Шкляр (1871—1941) — композитор, педагог, дирижер. Учился в Петербургской консерватории. В 1924—1925 гг. директор Еврейской народной консерватории в Риге (см. прим. 11). — *Ред.*

⁹Эдинбург — историческое название Дзинтари (ныне часть г. Юрмалы). — *Ред.*

¹⁰*Алмазов С.* Хор гимназии Раухваргера п/у Я. Абрамиса // *Сегодня вечером*. 1940. 2 апр.

¹¹Еврейская народная консерватория — музыкальное учебное заведение, открывшееся в январе 1921 г. Существовало за счет средств меценатов. В сущности это была музыкальная школа, в которой каждый желающий независимо от национальности мог получить элементарное музыкальное образование по нескольким специальностям. — *Ред.*

¹²Подробнее о нем см.: *Ветра М.* Рига тогда: Восп. Рига, 2003.

¹³[*Рец. С. Алмазова*] // *Сегодня вечером*. 1940. 11 янв.

¹⁴Еврейский клуб в Риге находился в здании Еврейского театра на ул. Сколас, 6 (построено в 1913—1914 гг., архитекторы Э. фон Тромповский и П. Мандельштам). Служил потребностям имущих слоев еврейского населения. — *Ред.*

¹⁵Сегодня вечером. 1933. 28 мая.

¹⁶Там же.

¹⁷Ныне ул. Альфреда Калниня. — *Ред.*

¹⁸Фото из кн.: *Бобе М.* Указ. соч.